

ДАНИИЛ ГОРБУНОВ

ЭЛИЗА

A close-up photograph of a white lily flower partially covered by a vibrant red fabric. The fabric is draped over the top and sides of the flower, creating deep shadows and bright highlights. The overall composition is dramatic and high-contrast.

Даниил Горбунов

Элиза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17194677

ISBN 9785447452575

Аннотация

В Новой Англии в маленьком городке Салеме творятся ужасные события. Главную героиню обвиняют в колдовстве. Что делать, когда весь мир против тебя? Выдержит ли она жизненные испытания?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	39
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Элиза

Даниил Горбунов

© Даниил Горбунов, 2016

© Иван Перчугов, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Где ты там? Разве ты не слышишь, что тебя зовут?! – раздражённо кричал проповедник, поднимаясь по широкой, скрипучей лестнице на второй этаж своего дома.

На лбу у него выступили капельки пота, но не от жары, а от волнения, голова ужасно болела. Церковник лихорадочно думал, что ему делать с его больными дочерьми, их недуг пугал его, и он уже практически потерял всякую надежду, что их удастся вылечить.

– Что ты делаешь?! – прокричал он, зайдя в комнату своей жены. Она сидела перед большим зеркалом и пудрила щёки. – Ты хоть понимаешь, что Бетти и Абигайл буквально сходят с ума?! Тебя волнует хоть что-нибудь кроме своей внешности?!

Жена церковника отложила в сторону пудру и, смотря на отражение мужа в зеркале, сказала:

– Понимаешь, я должна выглядеть превосходно! Я уверена, что эти девчонки сегодня точно не умрут. А если ты мне не веришь, то иди и следи за ними сам! Но мне не мешай!

Проповедник ещё раз взглянул на эту чёрствую, безразличную женщину, развернулся и поспешил вниз.

Теперь он шёл в комнату Бетти и Абигайл, которые последние несколько дней очень странно себя вели. Девочки впадали то в апатию, то в лихорадочное веселье: они могли

безо всякой причины закричать, а потом рассмеяться, могли лежать неподвижно, но через минуту уже бегать по всему дому, истязая себя.

– Что с вами, девочки? Что? – спрашивал отец у дочерей, трясая при этом их за плечи.

Девочки не отвечали на вопросы отца, они лишь только хохотали ему в лицо. Вдруг они в судорогах упали на пол и начали стонать и корчиться, как будто их резали ножами.

– Меня колют иглами! Мне больно! – кричала Бетти, но никаких игл нигде не было.

– Боже! Боже! – твердил проповедник, испуганно озираясь по сторонам.

Девочки прекратили стонать, и церковник уложил их в кровати. До его ушей донёлся шипящий звук из кухни.

– Титуба, что ты делаешь? – зайдя на кухню, настойчиво спросил проповедник у женщины, которая жарила мясо.

Титуба была негритянкой, обращённой в рабство и прислуживающей в доме проповедника.

– Я думать, что в ваших дочерей вселиться бесы, – сказала она со странным акцентом, – я облить их мочой кусок мяса и прожарить его, а потом хотеть скормить собаке.

– Бесы? Неужто это и правда бесы? – прошептал проповедник и вышел из кухни.

Краем глаза он заметил на столе кувшин с водой и изрядно этому удивился. В обычном кувшине, конечно, странно находить что-то удивительное, но в последнее время в до-

ме проповедника стали появляться странные вещи, которые его пугали, хотя и были весьма обыденны. Он предполагал, что кувшин с водой вполне можно использовать для гадания. Но когда проповедник спрашивал у Титубы, откуда этот кувшин, она не отвечала, объясняя это тем, что она его плохо понимает. Почему-то именно в этот напряжённый момент обычный сосуд с водой привлёк внимание проповедника, но сейчас надо было думать не о кувшинах.

Он начал искать в гряде книг свой псалтырь, но найти его быстро не удавалось. Руки церковника дрожали: это затрудняло поиски. «Что если это действительно бесы? Что если из моих девочек уже никогда не удастся изгнать бесов, и Бетти и Абигайл придётся убить?» – думал он.

Наконец проповедник нашёл маленькую, потрепанную книжку. С книгой в руках он прибежал к дочерям, которые снова стонали, и начал листать псалтырь, пытаясь найти нужную молитву. После того, как она была найдена, он стал читать.

Абигайл и Бетти сильно кричали, закрывали уши пальцами, болтали ногами, скидывая с себя одеяла, будто бы священные слова, исходящие из уст отца, были для них ядом. Они царапали свои лица и говорили какие-то непонятные слова на языке, которого раньше не знали. Эти слова, несомненно, были придуманы самим дьяволом.

– Они бесноватые, – прошептал проповедник после прочтения молитвы, и побледнел так, что его с легкостью можно

было спутать с покойником.

Титуба в то время, пожарив мясо, быстро выскочила на улицу и кинула его собаке. Собака съела брошенное ей «лакомство», но ничего с ней после этого не произошло.

– Бриджет Бишоп, Сара Гуд, Сара Осборн, – крикнула Абигайл.

– Что значат эти имена? – спросил проповедник, склонившись над дочкой.

– Титуба... – прошептала Бетти, скорчившись ещё больше.

– Титуба? Значит, это Титуба во всём виновата? – выкрикнул проповедник и снова пошёл на кухню.

Негритянка убирала в шкаф сковородку.

– Это ты погубила моих детей? Ты? – спросил церковник.

Титуба повернулась к нему и после некоторого молчания сказала:

– Я в этом быть не виноват, хозяин.

– Все вы ведьмы так говорите!

С этими словами церковник подошёл к бедной женщине и ударил её.

– Ах, ведьма, это ты погубила моих дочерей!

– Нет... Нет... – заплакав, сказала Титуба.

– Ты, ведьма, за всё на суде ответишь! Скоро, скоро ты будешь гореть в адском пламени! Да. Так тебе и надо, слышишь, ведьма?..

Глава 1

Год спустя.

Было прекрасное утро, солнце радостно светило, ласковый, тёплый ветерок проносился над бескрайним полем зреющей кукурузы и обвивал потрёпанную одежду сторожа-пугала. Земля, казалось, ожила, она уже не помнила столь недавний набег индейцев, и даже забыла эпидемию оспы, буквально вчера здесь побывавшую. Не было никаких сомнений, что это было начало нового дня в Новой Англии...

В то утро, в городке Салеме, что находится в колонии Массачусетс, около десяти часов, два господина, гуляющие по городу, решили присесть на скамью.

Один из них был преподобным Самюэлем Перисом, местным проповедником и весьма узнаваемым человеком в Салеме. Другой был его другом, звали его Джоном Мюррэм.

Присев на скамейку, мистер Мюррэй поправил свою шляпу и посмотрел на небольшой каменный коттедж, стоящий неподалёку, который принадлежал одной его знакомой. Он вспомнил, как ещё позавчера хозяйку коттеджа обвинили в колдовстве, а потом повесили.

– Знаешь, Джон, – отвлёк мистер Перис своего друга от раздумий, – я наблюдал за тобой сегодня в церкви, и мне совсем не нравится, как ты себя там ведёшь.

– Что Вы хотите этим сказать? – спокойно спросил Джон.

– Вот всему-то вас, молодых, надо учить, – улыбнувшись, сказал Самюэль. – В церкви никогда, Джон, не стой в стороне, никогда! Молитву читай громче, чем все остальные – это тебе будет только на руку. А ещё больше разговаривай со священниками, пусть все думают, что ты с ними в хороших отношениях.

– Хорошо, я постараюсь, – промолвил Джон и снова устремил взгляд на коттедж, из трубы которого уже никогда не повалит дым.

Он думал, что советы преподобного Периса и правда ему пригодятся, а особенно сейчас, когда любой твой сосед может быть в сговоре с дьяволом. Чтобы тебя никто по ошибке не заподозрил в колдовстве, мало часто посещать церковь, нужно, чтобы все замечали твое присутствие. Тяжёлые времена настали для жителей Салема, и нужно быть начеку, если не хочешь отправиться напрямиком на эшафот.

Тут мистер Мюррэй вздохнул и, как бы отвечая на свои мысли, произнёс:

– Как-то слишком много за последние время развелось ведьм.

Мистера Периса фраза, сказанная его другом, совсем не шокировала, как это было бы с любым другим человеком. Самюэль видимо не входил в число тех людей, но, тем не менее, он насторожился, оглянулся, проверяя, нет ли нигде поблизости пары лишних ушей.

– Эх, Джон, – загадочно улыбаясь, произнёс мистер Перис.

Джон озадаченно посмотрел на преподобного Периса, он хотел сказать что-то ещё, но Самюэль его опередил:

– Неужто ты действительно думаешь, что все те женщины, повешенные или сожженные на кострах, умели колдовать?

После этого вопроса Перис ещё раз осмотрелся, чтобы точно быть уверенным, что их никто не сможет подслушать

– Да... – после небольшой паузы ответил Джон.

По правде говоря, он не был уверен, что та его знакомая, хозяйка коттеджа, умела колдовать, но что касается той же Бриджит Бишоп, которая запомнилась всем своей любовью к красным платьям, то она, конечно, была ведьмой. Да и Джон никак не мог ответить на такой вопрос «нет», ведь Самюэль хоть и его друг, но в то же время он – пастор. Как ни странно усомниться в существовании нечистой силы, значило бы усомниться во всевластии церкви. Все жители Салема хорошо знали, что недоверие к церкви – сопоставимо с неверием в Бога.

– О, друг мой, насколько же люди – глупые создания, – сказал мистер Перис. Эти слова Самюэль произнёс с ухмылкой на лице, будто бы он не считал себя человеком, а был выше его.

Мистер Мюррэй, наверное, впервые за всё время с ног до головы осмотрел Самюэля. Сэмюэль был солидной наружности, соответствовавшей его положению в обществе,

и представлял собой человека влиятельного и целеустремленного. Разговаривал он так, что создавалось чувство, якобы он намного опытнее и умнее своего собеседника. Самая странная вещь в поведении мистера Периса состояла в том, что он, будучи проповедником, не выдавал в себе, своём поведении, речи человека, который хоть каким-нибудь образом связан с этой профессией.

– Я хоть и знаком с тобой, Джон, недолго, – сказал он, – но вижу, что тебе доверять можно. Я-то людей хорошо знаю, осмелюсь сказать, что насквозь их вижу!

Сказав это, Самюэль замолчал. Он увидел проходящую мимо женщину с двумя дочерьми. Возможно, он просто не хотел, чтобы эти прохожие услышали хоть малейшую часть его разговора с Джоном, и потому сделал паузу. Но по глазам было видно, что в его сознании всплыло какое-то воспоминание, когда-то глубоко запавшее в его душу, и эта незнакомка заставила мистера Периса вернуться в прошлое, но как только она исчезла из виду, Самюэль снова стал прежним.

– Ты, Джон, не просто так ведь со мной общаешься, ходишь на прогулки? Ты ждёшь какой-то пользы от этого, так? – спросил мистер Перис.

Мистер Мюррэй немного помолчал, а потом произнёс:

– Что Вы имеете в виду?

– Да то, Джон, что я же вижу, что ты стремишься стать пастором. Но до пастора тебе трудиться и трудиться, а рядом

я, хорошо же, правда? Я тебя не осуждаю за это, мне кажется даже, что из тебя хороший пастор выйдет.

– Вы, правда, думаете, что я мог бы стать пастором? – немного покраснев, спросил Джон.

– Конечно, – ответил Самюэль, – но только есть... всё же одна вещь, о которой тебе следует рассказать.

Джон понял, что сейчас мистер Перис ему в чём-то признается. Он расскажет нечто важное, что не каждый удостоен знать.

– Такие влиятельные люди, как я, могут пользоваться местными суевериями для устранения людей, которые им неуютны, – начал он, – мне достаточно сказать, – «этого повесить, ту сжечь», – как люди начнут бегать повсюду с верёвками и хворостом. Мне достаточно указать на собаку и сказать, что она умеет колдовать, как эти людишки тут же посадят её в мешок и утопят в озере.

В сознании Джона мир перевернулся с ног на голову, но он обладал немислимым хладнокровием. Если бы Джон стал свидетелем признания человека в убийстве и фразы, что погода сегодня хорошая, он наверняка бы одинаково воспринял два этих разных факта. То, что Джон обладал на редкость холодным сердцем, нравилось мистеру Перису, он всегда примечал таких людей, в каком-то смысле похожих на него самого.

Джон понял, что он и мистер Перис живут словно в разных мирах: в мире Джона люди верят в нечистую силу

и в тайне боятся, что их обвинят в колдовстве, а в мире Самюэля церковники осуждают людей, которые им не нравятся, за колдовство, называют их ведьмами и колдунами, преследуя какую-то выгоду. И Джону нравился мир Самюэля намного больше. Мистер Мюррэй не закричал, не стал обвинять своего друга в ужасных преступлениях против Бога, против людей, потому что он больше не хотел быть таким же забитым, испуганным, как его сограждане, а не станет он таким, только если будет сотрудничать с Самюэлем. Некоторым людям нравится быть посвящённым в какие-то тайны: это доставляет определённое удовольствие.

Преподобный Перис внимательно наблюдал за реакцией Джона и хитро улыбался.

Над головами этих двух «джентльменов» вдруг промчалась большая тень какой-то птицы, но тень была настолько большой, что Самюэль усомнился, была ли это птичья тень. Но кого же тогда ещё она могла быть?

– Получается, набеги индейцев, эпидемии болезней, неурожайные годы, вовсе не связаны с ведьмами и колдовством? – спросил Джон.

– Конечно, нет, это всё глупые сказки, которые церковь рассказывает обычным людям, – сказал Самюэль.

– И что уже известны имена следующих женщин, которых суд обвинит в колдовстве?

Джон подумал о своей сестре, он ненавидел её с самого детства, и теперь понял, что с помощью Самюэля он с лёг-

костью сможет отправить её на виселицу. Эта мысль очень ему понравилась.

– Да, конечно, – ответил мистер Перис и ещё раз опасно оглянулся.

– И кто же будет следующими? – поинтересовался Джон.

– О, над этим я и другие церковники думали долго. Но вот что лично мне пришло в голову: у меня в доме уже несколько месяцев работает новая служанка. Она так красива! Прекрасна, как ангел! Это не нравится Джозефине, моей жене. Она тратит столько времени и денег на красоту. Порой мне кажется, что она, если бы могла, убила всех красавиц Земли, дабы её провозгласили «самой красивой женщиной».

– И Вы хотите убрать эту служанку со своей дороги?

– В общем, да.

– Конечно, за красоту всегда нужно платить достойную цену.

– Правда в твоих словах, Джон. Вскоре я тебя познакомлю с одним человеком, который поможет мне осуществить мой план. Некоторым людям, как говорится, нужно «позолотить ручку», и они сделают всё за тебя. Запомни это правило, а если ты будешь по нему жить, то весь мир ляжет у твоих ног, Джон. **ВСЬ МИР!** Ты не представляешь, насколько это много! Я уберу проклятую служанку раз и навсегда!

После этой фразы два господина встали и пошли к своим домам. К счастью для них, никто не был свидетелем этого разговора, по крайней мере, они так думали...

Глава 2

Утро того же дня, как и любое другое, выдалось для Элизы тяжёлым. Уже с утра она, служанка в доме мистера Периса, была измучена работой. Миссис Перис, как только увидела хотя бы малейшую ошибку в работе Элизы, например, небольшое пятнышко на недавно вымытой тарелке, тут же начинала возмущаться и говорить: «Что мы зря платим тебе столько денег!?» Но эти слова были не совсем правдивы, ибо Элиза получала не так уж много.

Элиза была стройной, красивой и трудолюбивой девушкой. Волосы её были светлые, глаза – голубые, а черты лица – настолько прекрасными и правильными, что любая богиня позавидовала бы таким. В глазах других Элиза выглядела ангелом, безгрешным существом, которое и не способно на какой-либо грех. Она сочетала в себе красоту физическую и духовную.

Элиза жила со своей матерью, Евангелиной. Евангелина – женщина уже пожилого возраста, с сединой на волосах и излучающим свет лицом. Миссис Ева никогда никого не обидела, помогала всем, чем могла. К сожалению, Евангелина была больна, какой-то мало изученной болезнью, и все понимали, что дни миссис Евы сочтены, и придёт тот роковой день, когда её не станет.

Также Элиза была помолвлена с неким Джимом Смитом.

Ещё в шестилетнем возрасте он остался сиротой. Точно сказать, где работал Джим, было нельзя. Причиной тому было то, что его часто увольняли. Джим был честным, одарённым чувством справедливости и находившимся всегда на стороне правды человеком. Часто Джим уверял людей, с которыми он бывал малознаком, в том, что церковь, возможно, ошибается в обвинениях в колдовстве, что не может Бог приговорить человека к смертной казни. Поэтому люди считали его сумасшедшим, или что ещё хуже еретиком, возможно, из-за этого так часто и увольняли Джима.

Элиза накрывала на стол, когда Самюэль вернулся со своей прогулки домой, подоспев как раз к позднему завтраку. Как только он присел за стол, Джозефина спросила его:

– Дорогой, где же ты был?

– Я гулял по Салему с одним своим знакомым, – ответил Самюэль.

– А кто этот твой знакомый? Он важный человек? – спросила Джозефина, опершись на стол локтями.

– Нет, сейчас он важен так же, как важно пятое колесо телеги, но потом я думаю, он мне пригодится.

– Как его зовут?

– Думаю, Джозефина, его имя тебе ничего не скажет. Его зовут Джон Мюррэй.

После этой фразы мистер Перис принялся за свою трапезу. Давайте понаблюдаем за жизнью, текущей в этом доме...

У любого человека, попавшего в дом Самюэля в первый

раз, ненароком возникло бы множество вопросов. Приведём некоторые из них.

Сначала люди спрашивали себя: «Почему в этом доме нет рабов?» Во многих семьях есть негры-рабы. Ответить на этот вопрос не так легко. Говорят, что у Перисов была негритянка Титуба, но её около года назад обвинили в колдовстве и повесили. Самюэль больше не хотел покупать рабыню и нанял служанку.

Осмотрев дом лучше и чуть-чуть познакомившись с Перисами, люди думали: «Есть ли у них дети?» Этот вопрос нужно задавать так: были ли у Перисов дети? Да, были. Судя по слухам, ими овладели бесы. То, что случилось после, скрыто. Естественно никто не упоминал об этом в присутствии Самюэля и Джозефины.

Третий вопрос возникал у человека, который познакомился поближе с Джозефиной. «Какая ужасная особа! Как можно, находится рядом с таким человеком?» – думали некоторые, глядя на эту женщину, и действительно она славила своим дурным характером.

Джозефина представляла собой толстую, грубую женщину, но таковой она была не всегда. Постепенно, с каждым годом она становилась толще и толще. Казалось, она заплывала не собственным жиром, а гордыней, алчностью и кровожадностью. Естественно, Самюэль женился не на той Джозефине, которую мы застали, но увидев её, не веришь, что она когда-то была другой.

Дурная слава ходила о Джозефине по Салему. Кроме всего перечисленного, в число её недостатков входила ещё и корысть, поэтому у неё было весьма странное, предвзятое и подчас противоречивое отношение к другим. Втайне некоторые считали, что Джозефина – дьявол в человеческом облики. Единственным человеком, которому Джозефина не грубила и хорошо относилась, являлся Самюэль. Возможно, было в глубине сердца Джозефины что-то светлое, доброе, но это скрывалось за бесчисленными слоями злости и корысти.

Несмотря на то, что Джозефина хорошо относилась к мужу, она вовсе не любила его. Да и сам Самюэль всё чаще думал, что пора их любви давно уже прошла, он смутно помнил их свадьбу, и вообще все воспоминания о тех временах со временем тускнели и постепенно исчезали. Чувствовалась какая-то неестественность, театральность в отношениях Джозефины и Самюэля, будто бы они были абсолютно бездарными актёрами, которые вынуждены исполнять роли супругов.

Самюэль окончил свой завтрак, и ничего не сказав, куда-то ушёл.

– Убери здесь, – приказала Элизе Джозефина, указав на посуду, стоявшую на столе.

Джозефина, пыхтя, стала подниматься на второй этаж в свою комнату, что давалось ей нелегко при её-то весе. Но сегодня ей удалось подняться быстро, ибо она хотела ско-

рее посмотреться в зеркало. Она зашла в комнату, и, взяв зеркало, устроилась на стуле.

– Ну что за лицо! – сказала сама себе Джозефина, немного помяв свои щёки. – Ужас!

У неё была мания быть красивой, но, увы, как она ни старалась, это плохо у неё получалось. Практически всё своё время Джозефина проводила, размышляя, как ей улучшить свою внешность. В своей погоне за красотой она стала похожа на маленькую капризную девочку, которая очень хочет такую же куклу, как и у её подруги.

В глубине души, Джозефина завидовала Элизе, так как та была очень красива. «Почему же эта идиотка красивая, а я нет!?» – подумала она, когда услышала звон посуды, которую убирала Элиза. Джозефина не задумывалась о том, что подобные вопросы не стоит задавать: внешность, как и родителей, не выбирают. Но она являлась женой пастора, её знали все, а потому следовало бы соответствовать своему положению в обществе. Джозефина считала, что люди влиятельные и хорошо узнаваемые просто обязаны быть красивыми, и никак иначе. Но Бог не одарил её красотой.

Устав смотреться в зеркало, Джозефина отбросила его на кровать.

– Что толку смотреть, раз лучше всё равно не будет, – вымолвила она и направила свой одновременно грустный и злой взгляд в окно.

Она невольно подумала о том, что вчера кое-что спрята-

ла от Самюэля в соседней комнате, где обычно они хранили ненужные вещи. У Джозефины были тайны от мужа, а когда людям есть что скрывать, они могут начать нервничать и постоянно спрашивать себя, хорошо ли они прятали то, что не должно быть увидено другими людьми. Вот и сейчас Джозефина тормозила память, спрашивая себя, точно ли всё правильно сделала, точно положила это нечто, что не должен увидеть муж, в старый сундук, а не на него, точно ли она не забыла его закрыть. Она взяла себя в руки и внушила себе, что всё сделала как надо и лишней раз волноваться не нужно.

Джозефина вдруг вспомнила свою мать, которую, как и её, мягко говоря, худой не назовёшь. Мать часто ругалась на Джозефину, так как та была трудным ребёнком. Но взрослым, как правило, тяжело ругать своих детей, и после каждой ссоры мама легонько щипала свою дочь за пухленькую щёчку, приговаривая: «Как моя толстушка улыбается?» «Хм... Толстушка... А сама была жирной коровой», – подумала Джозефина. Она, конечно, любила свою мать, каждый ребёнок любит маму, хоть и старается иногда скрыть это. Как правило, Джозефина старалась отвернуться после того, как мать называла её толстушкой или пышечкой, она думала, что эти ласковые слова в её адрес звучали, скорее как оскорбления. «Ну как можно быть по-настоящему счастливой, если ты толстуха?» – спросила себя Джозефина. Она отвлеклась от раздумий и предпочла больше не забивать голову груст-

ными мыслями.

Так проходил день за днём, неделя за неделей в доме Самюэля. Самюэль постоянно где-то пропадал, Джозефина в основном сидела дома, Элиза выполняла её распоряжения.

Вот и этот день стал подходить к концу. Ветер, играющий на кукурузном поле с пугалом, вдруг поменялся с ласкового и тёплого на более резкий и прохладный. Фермеры в последний раз за день осматривали свои, казалось, бесконечные поля. Когда на небе стали появляться звёзды, и детям были рассказаны последние сказки, Салем уснул тихим, безмятежным сном.

Когда Самюэль готовился ко сну, Джозефина вдруг спросила его:

– Дорогой, как ты думаешь, я красивее, чем эта Элиза?

Самюэль замолчал, запнулся: он думал, что ответить своей жене, и не знал что именно: горькую правду или притворную ложь.

– Да, конечно ты красивее, – сказал он.

– Врёшь! Я знаю, что ты врёшь! – яростно глядя на своего мужа, сказала Джозефина.

– Зачем спрашивать, если знаешь, что в ответе будет ложь?

– Я сама знаю, что эта дурочка лучше меня. Нет, я тебя не виню за твою ложь. Но я знаю, как ты мне можешь помочь...

– И как же? – спросил Самюэль, уже готовый уснуть.

– Очень просто: ты обвинишь её в колдовстве, и в итоге, она будет повешена. Нет, лучше пусть она сгорит на костре!

– Я же тебе говорил, что всё это устрою, – ответил Самюэль сонным голосом, – но всё же, почему бы её просто не уволить?

– Уволить?! – удивилась Джозефина. – Таковую как она мало просто уволить, она не должна ходить по этой земле! Она просто не имеет права жить! Это же просто невыносимо!

Джозефина говорила так не только об Элизе, а о любом человеке, который ей не нравился. Её не смущало, что она, по сути, не может рассуждать, кто имеет право жить, а кто нет.

– Хорошо, хорошо, она сгорит на костре, только успокойся, ради Бога, – нервно вымолвил мистер Перис.

– Да, поскорей бы! – произнесла с азартом Джозефина, – я хочу видеть, как Элиза, это ангельское существо сгорит. Я хочу слышать её пронзительные крики, которые разнесутся на весь Салем!

– Но ведь, истинная ведьма даже не пикнет, если её поджечь. Давай лучше об этом подумаем завтра... Я хочу спать.

После Самюэль и Джозефина уснули. В комнате было темно, но свет луны проникал через окно и падал на их кровать, всё, казалось, застыло, не только в этом доме, но и во всём городе.

Самюэль, которого все знали, как жестокого и хладнокровного человека, становился во сне другим. В реальном

мире он вёл себя не так, как в мире снов. Там, во вселенной иллюзий, его преследовали призраки прошлого, люди, которые когда-то жили и больше которых никогда не будет.

Во сне Самюэль слышал странные голоса, доносившиеся из ниоткуда. «Меня колют иглами! Мне больно!» – звенело в ушах. «Я думать, что в ваших дочерей вселиться бесы» – слышалось в голове. «Ах, ведьма, это ты погубила моих дочерей!» – доносилось из тьмы. От этих слов Самюэля кидало в дрожь.

Дальше в действие пошли образы. Сначала Самюэль видел лежащих и корчащихся от боли двух девочек, потом он видел самого себя, берущего молитвенник. Затем слышал, как он читал молитву, но девочки закрывали руками уши и кричали. Он не знал, как помочь этим девочкам он был бессилён, и бессилие его пугало больше всего. Самюэль не выдержал и заплакал, проснувшись, он увидел жену, смотрящую на него.

– Опять они? – как-то раздражённо спросила она.

– Да, – тяжело дыша, ответил Самюэль.

– Ужас! Чуть ли не каждую ночь тебе снятся кошмары!

Спать не даешь! Меня лично они не мучают.

Джозефина легла, натянула на себя одею и закрыла глаза.

– Ты никогда не любила Бетти и Абигайл, – произнёс Самюэль, можно было заметить в свете луны слёзы, стекающие по его лицу.

Он смотрел на свою жену, и спрашивал себя, почему она

не любила их детей – это была величайшая загадка для Самюэля. Сейчас он ненавидел Джозефину, эту жесткую чёрствую ханжу, которая называлась его супругой. Он понимал, что навряд ли она любит его. Она не любила их детей, она вообще никого не любила.

– Ты ненавидела их... почему? – спросил Самюэль, перед его глазами до сих пор проносились те ужасные эпизоды прошлого.

Джозефина ничего не сказала, она захрапела, и стало понятно, что больше ответа ждать от неё бесполезно. Самюэль ещё долго не мог уснуть. Он лежал и думал обо всём, что ему приходило в голову, но вскоре глаза начали слипаться, и сон овладел им.

Глава 3

Утро следующего дня выдалось на редкость для этого лета пасмурным. Солнце еле-еле поднялось в небе, но его тут же заслонило тучами.

Выйдя из дома Перисов и пройдя вглубь города, мы попадём с вами в настоящую жизнь Салема. Уже в это время на улице было много прохожих, они ходили мимо простых деревянных домов. Пройдя дальше, мы заметим странное столпотворение: вокруг церковнослужителя собрались несколько человек и что-то громко обсуждали.

Самого главного в этом собрании выдавало его облачение. Одевания остальных были однотипны. Сапоги, шляпы, вилы указывали на то, что эти люди одного рода деятельности. По тому, как они держали свои рабочие инструменты, было видно, что они не часто с ними расстаются.

– Лично у меня и ещё у двоих человек половины урожая уже нет, – раздраженно сказал первый фермер.

– А я говорю вам: без колдовства здесь не обошлось, – уверенно вымолвил второй.

Священник всё это выслушал, но ничего не ответил. Глаза его были тусклы и безжизненны. Он глядел на фермеров, словно задавая своим взглядом вопрос: «Зачем, вы, мне это всё говорите?»

Фермеры не замечали равнодушного взгляда человека,

на которого они возлагали свои надежды, которого специально нашли, чтобы сообщить ему о своём несчастье. Ведь только сегодня они вышли осмотреть свою кукурузу, как заметили, что посевы, взошедшие относительно недавно, стали черными и сгнили.

– Ведьмы! Ведьмы и колдуны во всём виноваты! Кто ещё мог такое вытворить?! – прокричал третий фермер, – мне Том рассказывал как-то раз, что видел привидение Бриджет Бишоп, женщину с мертвенно-белой кожей в ярко красном платье, да ещё и с иглами, и с куклами в руках! Всем в нашем городе известно, что это ведьмы на нас насылают чуму, оспу и набеги этих проклятых индейцев...

– Но всему есть логическое объяснение, – раздался неизвестный голос, он прозвучал, как гром среди ясного неба, поэтому фермеры и церковнослужитель обернулись.

Произнёс эту фразу молодой человек, непонятно откуда появившийся. Он оглядел всех своими большими светлыми глазами. Говорил он громко и смело, а смотрел зорко и прямо.

– Извините, что так вмешался в ваш разговор, – продолжал он, – я услышал его случайно и решил сказать, что я думаю. Мне кажется, что урожай могло испортить какой-нибудь болезнью или может насекомыми, но нельзя же точно уверять, что здесь замешано колдовство.

– А кто ты вообще такой? – спросил второй фермер, посмотрев на этого человека презрительно, ибо на вид ему бы-

ло всего где-то двадцать с небольшим лет.

– Моё имя Джим, Джим Смит, – ответил молодой человек, – и я думаю, что ведьмы не могли испортить ваш урожай. Подумайте, а существуют ли они на самом деле?

– А ты в этом сомневаешься? – спросил первый фермер, – нужно быть либо очень храбрым, либо очень глупым, чтобы говорить *такое* перед церковником.

Но служитель церкви, казалось, не слышал этой фразы. Глаза его смотрели куда-то вдаль, и по ним было видно, что думает он совсем не о беде фермеров или о сказанных Джимом словах.

Холодный ветер ударил в лицо Джима, как бы напоминая о том, какая сегодня плохая погода. Джим огляделся, он посмотрел на свой деревянный город и на серых угрюмых своих сограждан. Каждый раз, когда он оглядывал окрестности, они напоминали ему о тяжёлой жизни Салема. Часто Джим думал, что он родился в самом ужасном месте и в самое ужасное время. За все годы жизни он, казалось, не пропустил ни одной казни, прошедшей в городке. Он видел неоднократно, как мужчин и женщин приводили на холм, заставляли подняться на эшафот и дальше совершалось непоправимое.

Взойдя на эшафот, обвинённые обреченно смотрели на всех людей, собравшихся для созерцания их казни. Толпа у холма, образовывала собой серое чудовище с тысячью рук и глаз. Не было ни в Новом свете, ни во всем мире ничего бо-

лее ужасного, как ощущения этих тысячи глаз, которые могут пронзить человека насквозь. Толпа смотрела на обвинённых, как на людей, оскорбляющих человечество. Но не было в толпе насмешек или укоризненных речей на их счёт. Люди в глубине своего сердца жалели несчастных, но боялись показать свое сочувствие, чтобы случайно не оказаться самим на их месте.

– Все жители нашего города, – начал говорить Джим, – считают, что казнь – есть справедливость, но эта справедливость создана страхом. Она фальшива, и люди прикрываются ею, как одеялом прикрываются дети, боящиеся темноты. Люди запуганы, как крысы, за которыми гоняется кот. Вам, кажется, что я сумасшедший или еретик, вы думаете, что я заблуждаюсь, но на самом деле заблуждаетесь вы. Подумайте-ка хорошенько, может ли Бог приговорить человека к смертной казни?! Когда убийство – грех, а этот грех совершается церковью. И вы думаете, что она совершает справедливость?..

– Не нужно тут разглагольствовать! – прервал его третий фермер, подняв указательный палец вверх, – ты считаешь себя очень уж умным, но кроме тебя есть другие умные люди, и они уже всё придумали и все истины постигли!

– Шёл бы ты своей дорогой, – выкрикнул второй фермер, – иначе тебя повесят!

Джим смотрел на фермеров, к которым только что пытался донести правду, но они были слепы душою и глухи к его

словам. «Они меня не понимают. Нет, бесполезно что-то говорить этим людям», – думал Джим, и им овладевало уныние. Он понимал свою никчёмность и безнадёжность, он был всего-навсего, одним из тех, кто живёт в этом городе. Созданный конформизм царствовал в округе, и благодаря ему было удобно управлять людьми.

Священник, до того молчавший, вдруг вернулся из мира раздумий, и смекая что к чему, произнес:

– Мы рассмотрим вашу жалобу, – обратился он к фермерам, – и в ближайшее время будут найдены виновные в этом.

– Если они, конечно, существуют! – добавил Джим.

– А, что касается тебя, то лучше бы тебе быть аккуратней со своими мыслями, а иначе тебе не миновать тяжёлой участи.

После собравшиеся разошлись кто куда. Город также продолжал жить, как ни в чём не бывало. Джим шёл и смотрел на людей, полных страха, незнания и глупости. «Какие же люди – глупые существа» – думал Джим, идя по улице. Он видел измученных, забитых и невероятно жестоких людей. Их жизнь была очень тяжела, разные несчастья, которыми был полон Новый свет, негативно сказывались на людях. Не все из них были жестокими, но, как правило, если большинство таково, то и мнение об отдельных людях создаётся то же самое. В такие мгновения, Джим ощущал себя песчинкой в огромном мире.

Джим, как уже было сказано, с детства был одарён чув-

ством справедливости, которое со временем становилось только острее. Он не мог смотреть на страдания невинных людей, на то, как церковнослужители наживаются на смертях несчастных жителей города, как они прикрываются самим Богом в своих преступлениях. Все эти священники и проповедники построили вокруг города невидимую стену и заставили людей думать, что всё, что они не могут объяснить, всё, что находится за пределами этой стены, принадлежит дьяволу. Джим – один из немногих, кто пытался разрушить эту стену, его попытки сделать это редко были успешными, но он был целеустремлённым, и поэтому никогда не прекращал верить, что когда-нибудь стена предрассудков рухнет, и люди поймут, что ведьм не существует.

Джим никогда не прекращал бороться за правду, да, это оборачивалось против него, он был готов к любым трудностям и даже думал, что если понадобится, он умрёт ради правды. Джиму приходилось терпеть ненависть по отношению к себе, но он понимал, что жители города ненавидят его из-за тех же предрассудков, и если он докажет свою правоту, они конечно поймут, что ошибались...

Время шло, и жизнь продолжалась. Когда всё начало готовиться к вечеру и предстоящей ночи, Джим проходил мимо дома Перисов, и подошёл к жилищу, стоящему недалеко от него. Оно был не столь богатым и большим. Это был дом, в котором жил Джим.

Внутри он оказался даже намного уютнее, чем дом Пе-

рисов. На кухне, за столом сидела седая женщина, но даже в своём пожилом возрасте она выглядела довольно красивой. Каждый, кто видел эту женщину, сразу узнавал в ней Элизу, только в старости. Не было никаких сомнений, что это мать Элизы, Евангелина, с которой мы уже знакомы.

Следует немного рассказать о ней. Миссис Ева раньше была гадалкой, так как гадание не относится к колдовству, и этим занятием, безусловно, заниматься можно. Сами местные жители и церковники считают гадание научным занятием.

Что же касается характера Евангелины, то, как мы уже говорили, она была доброй и милосердной женщиной, однако, к старости она стала несколько эгоистичной и капризной. Некоторые люди в старости требуют к себе повышенного внимания и всё чаще погружаются во время, в котором они когда-то жили. Эта особенность присутствовала и у миссис Евы.

Часто Евангелину можно было застать за весьма странным занятием: она могла часами рассматривать распятие, которое служило для неё напоминанием о муже, скончавшемся девятнадцать лет назад. Её муж, Адам Даррелл, умер, когда Элиза была маленькой, поэтому та совершенно не помнила своего отца. Миссис Ева рассказывала, что в чертах Иисуса, изображённого на распятии, она узнавала черты Адама, но обычно прибавляла, что так грешно говорить.

Как только Джим зашёл в дом, она спросила его:

– Джим, как у тебя прошёл день? Тебе удалось куда-нибудь устроиться?

– Да удалось, но я так за сегодня устал, что у меня нет сил рассказывать, куда и как, – ответил усталый Джим.

Только он хотел присесть и отдохнуть после целого дня, проведённого в суете, в дверь постучались. Джим пошёл открывать. Он думал, что увидит Элизу, свою невесту. Но за дверью оказался некий мужчина, с листком бумаги в руках. Он передал Джиму листок, и ничего не сказав, скрылся из виду.

Джим присел на стул рядом с Евангелиной и стал разглядывать записку, написанную каллиграфическим почерком очень дорогими чернилами и пером. Приведём её ниже:

«Мистер Смит, Ваши взгляды на деятельность церкви весьма неправильные. К тому же, Вы распространяете их в обществе. Это может сыграть против Вас, ибо церковь начнёт подозревать Вас в заговоре с ведьмами. Будь Вы женщиной, так Вас бы сразу же отвели в тюрьму. Помните, что колдовство по нашим законам является уголовным преступлением. Вы должны изменить своё мировоззрение.

Судья, Вильгельм Сьюворд»

– Что за вздор?! – сказал Джим, прочитав записку, – будь я женщиной, меня бы уже отвели в тюрьму!

– Ты опять где-то что-то сказал о неправоте церкви? – спросила Евангелина, заглянув в записку, прищурившись

при этом, так как зрение у неё было не самое лучшее.

– Да, сегодня фермеры жаловались на испорченный урожай и винили во всём ведьм, – ответил Джим.

– Тебе, Джим, надо быть действительно аккуратнее с этим. Ты же можешь попасть в тюрьму или тебя могут казнить. Ты к тому же не имеешь доказательств, а людям нужны именно они. Не лучше ли просто смириться с этим?

– Смириться?! – выкрикнул Джим, – да как это можно сделать, видя, что творится? Ведь понятно, что церкви выгодна смерть некоторых людей!..

Джим не договорил, так как в этот момент в дверь опять постучались. На этот раз, это действительно была Элиза.

Она быстро вошла в дом и сказала:

– Сегодня такой холодный ветер. Просто ужасно!

Элиза прошла на кухню, где Евангельна уже ставила на стол тарелки. Дальше, как заведено в семьях, Элиза, Джим и Евангелина сели ужинать.

Элиза всегда держалась скромно, даже если находилась в семейном кругу. Она привыкла есть быстро, да вообще всё практически она делала быстро, не теряя ни минуты.

– Сегодня был такой странный день, – сказала Элиза и смахнула с глаз волосы, – миссис Перис почти не сердилась на меня, она была очень мила.

– Это «существо», наверное, что-то задумало, – сказал Джим.

– Она даже сказала, что я могу завтра не приходиться на ра-

боту, – говорила Элиза, улыбаясь, – она думает, что я и так очень много времени провожу у них и должна чуть-чуть отдохнуть.

– Хм... Как это на неё не похоже, – с задумчивым видом сказала миссис Ева.

– Да, я сама не поверила своим ушам, когда услышала от неё такое.

Элиза посмотрела на Джима, и в её взгляде читалось искренняя любовь к нему. Она хорошо помнила, как они познакомились. Это было ещё в детстве. Тогда Элиза была также красива, но при этом чересчур беззаботна. Она была похожа на бабочку, которая любила порезвиться, но нужно было следить, чтобы эта бабочка никуда не упорхнула. И вот, когда ей было семь лет, она достаточно далёко отошла от дома и заблудилась в лесной чаще. Оттуда можно было легко выйти. Но будучи маленькой девочкой, Элиза не на шутку испугалась и, заплакав, присела прямо на землю. В это время неподалеку находился Джим, и увидев плачущую девочку, решил помочь ей.

– Почему ты плачешь? – спросил он Элизу.

– Я не знаю, как мне дойти до дома! – сквозь слёзы вымолвила она.

– Так я тебе помогу, – ответил Джим и протянул бедняжке руку.

Элиза встала и отряхнула от пыли своё новое красивое платье, не понимая ещё, как ей попадёт дома за то, что она

его испачкала. Она вытерла слёзы и неуверенно спросила:

– А ты точно знаешь, куда идти?

– Конечно. Вот тебе сколько лет?

– Мне... семь.

– А мне восемь, я старше. А если старше, значит умнее!

Элиза подумала: «Да и правда, старше, значит умнее», и больше ничего не спрашивала.

Вспоминая это, Элиза поняла, что уже тогда, в её первую встречу с Джимом, между ними пробежала искра. Но разве в самые беззаботные дни их жизни они задумывались о каких-то там чувствах? У неё была хорошая память, и она помнила и первые цветы, подаренные Джимом, и как он признавался ей в любви, и естественно, она хорошо помнила их помолвку. Сейчас они готовились к свадьбе, которая, по-видимому, состоится не скоро, так как денег категорически на неё не хватало.

Элиза встала из-за стола и начала быстро убирать грязную посуду. Евангелина внимательно за ней наблюдала и думала, как же сильно она гордится своей дочерью. Миссис Ева была счастлива, что ей удалось вырастить такую хорошую дочь. У неё был свой взгляд на воспитание детей.

Элизу нельзя было назвать трудным ребёнком, но Евангелина понимала, что та требует определённого подхода к себе. Элиза плохо общалась со сверстниками, она не хотела играть с ними. Маленькие пуритане часто в своих играх копировали поведение взрослых: так они играли в колдовство, в цер-

ковь и снимали с кукол скальпы. Если других детей веселили подобные забавы, то Элизу они пугали. Один раз какой-то мальчик в шутку обвинил её в колдовстве, а Элиза, приняв это всерьёз, заплакала и скорее побежала к своей маме.

– Не плачь, моя дорогая, – говорила Евангелина, прижимая к себе дочь, – этот мальчик не со зла так сказал.

Поведение маленькой Элизы начало удивлять взрослых, которые очень строго относились к своим детям и иногда даже на прогулке били их. Евангелина не общалась с другими матерями, у них о ней сложилось неприятное впечатление.

– Растёт не понятно что, – многозначительно говорили подобные матроны, глядя на Элизу, – а мамаша как будто и не видит этого.

Элиза была открытым, искренним и добрым ребёнком. Её не били, не пугали ведьмами, не говорили, что если она будет непослушной, её заберёт дьявол, поэтому Элиза видела во всём больше добра и красоты. Другие же дети, родители которых изощрались в рассказывании страшных историй, постепенно замыкались в себе, становились недоверчивыми по отношению не только к сверстникам, но и к собственным родителям. Салемцы были очень строги к своим детям, и из-за этой своей чрезмерной строгости они безвозвратно теряли их. Дети вырастали такими же жестокими и набожными пуританами, как и их родители...

На улице окончательно стемнело и через некоторое время все стали собираться ложиться спать.

Помыв после ужина посуду, Элиза прошла в свою комнату, села около окна и посмотрела на таинственный ночной пейзаж. Прекрасный вид открывался её взору, которым можно любоваться часами: на земле и на стенах домов находились причудливые тени, и понять, что их отбрасывало было почти невозможно. Луна была полной и яркой, лишь изредка её скрывали тучи, которые гнал ветер. Элиза, посидев всего несколько минут, хотела отойти от окна и начать готовиться ко сну, как вдруг раздался странный звук, похожий на шелест крыльев. То ли показался он Элизе, то ли был на самом деле, нам узнать, не дано. После звука, тихо прозвучали слова: «Беда!.. Тебя ждёт беда!» Они как будто исходили из ночной тьмы.

Сердце Элизы бешено заколотилось. Никого, кроме неё, не было в комнате. Она отошла от окна и прижалась спиной к стене. Всё утихло, и Элиза решила, что это ей послышалось. Она успокоилась и легла спать, но только закрыла Элиза глаза, как в ушах её эхом прозвучала фраза: «Беда!.. Тебя ждёт беда!»...

Глава 4

В тот вечер произошло ещё одно событие, о котором, безусловно, нужно упомянуть...

Когда все жители уже готовились крепко уснуть, в одном доме ещё об этом даже не думали. Это был таинственный дом, часто в нём бывали церковнослужители и другие влиятельные люди. Поговаривали, именно в нём живёт пророк Абрахам, человек скрытный и странный.

Абрахама знали все в городе и в тайне его боялись, так как он не редко выходил на улицу и начинал говорить, что им управляет сам Бог и что он знает, где живёт каждая ведьма в Салеме. Люди верили ему, ибо как они думали, «не каждый может так выйти и сказать, что его ведёт Господь».

В этот вечер в доме пророка были два гостя, с которыми мы уже знакомы, Самюэль Перис и Джон Мюррей. По выражению их лиц, было видно, что они замышляют что-то недоброе.

– Познакомь же меня, Самюэль с этим господином, – сказал пророк Абрахам, прикоснувшись к своей длинной бороде.

Он обладал длинной бородой, и при разговоре имел привычку поглаживать её.

– Это мой друг, Джон Мюррей, – ответил Самюэль.

– Очень приятно, мистер Мюррей, – сказал Абрахам, про-

тягивая Джону руку.

– Я уже давно обещал Джону познакомить его с тобой, Абрахам, – продолжал Самюэль.

Джон оглядел дом Абрахама, он слышал много разных легенд о пророке, и ему, конечно, было интересно посмотреть на жильё такого человека. Жилище Абрахама не очень отличалось от других домов, как изнутри, так и снаружи. В комнате, в которой проходило данное собрание, не было роскошной мебели, (ведь роскошь у пуритан не была в почёте). Отдельное место в доме Абрахама занимала книга с длинным названием, написанным на латыни «Молот Ведьм, уничижающий Ведьм, и их ереси, подобно сильнейшему мечу». Такая книга, наверное, была у каждого церковнослужителя, но почему-то оказалась и здесь.

– Моя роль выявления ведьм весьма сложна, – сказал Абрахам Джону, – Вы, мистер Мюррэй, наверное, уже знаете, что ведьм не существует, раз Вы в хороших отношениях с Самюэлем?

– Да, но странно, конечно, что люди всё равно в это верят, – сказал Джон.

– Люди – странные существа, – продолжал Абрахам, – они слепо верят во всю чепуху, которую церковь вешает им на уши. Отдельные личности, наверняка, сомневаются в правоте наказаний, но мы имеем дело с толпой, которая всякую сказанную фразу воспринимает буквально. А что в частности для пуританина важно? Церковь, естественно,

и люди почитают её, считая, что она – путь к спасению от индейцев, от чумы, и в тоже время боятся церкви. Ну а такие, как мы управляют ими. Это весьма выгодное занятие, достаточно вспомнить Жиля Кори, старика, который был очень богат и имел хорошие владения. Повесив его, мы бы прибрали все его денежки, и церковь пополнила бы свою казну, но Жиль не сознался даже при ужасных пытках, и был задавлен до смерти камнями! Помню, как будто это было на днях, как он говорил своим хриплым голосом, – «ещё груз», кода на его тело добавляли новые и новые камни.

– Но не считаете ли вы, что данное управление людьми грешно, ибо оно сопоставимо с управлением животными? А как же тогда Бог? Не боитесь ли Вы его наказания?

– А что Бог? Бог – это один из инструментов управления людьми, как например, в моём случае. Я же говорю людям, что с помощью Господа я найду всех ведьм, и они мне верят. В кару Господню я не верю, для меня все те случаи со смертью священников – случайности!

– Вы рассуждаете весьма интересно, я бы даже сказал, что Вы очень храбрый человек! – вымолвил мистер Мюррэй.

– Что ж, мне приятно такое слышать. Но дело тут вовсе не в храбрости, просто я, как говорится, несколько умнее остальных салеицев. Могу вас, кстати, очень многому научить, если хотите.

– Я бы не отказался, – вставил Джон.

– Самое главное, что вам следует запомнить: Бог – ваш

друг. Если вам нужно будет обмануть кого-нибудь или оправдаться в чём-нибудь, говорите о Боге, клянитесь Богом, грозите Божьей карой, и вы точно добьётесь всего, что пожелаете. Всё-таки умный был тот человек, скажу я вам, который придумал Бога. Нам же ничего придумывать не нужно, мы можем просто пользоваться.

– А не забыли ли вы, для чего мы здесь собрались? – прервал разговор Самюэль, сложив руки на груди.

– Ах да, мы должны ещё раз обсудить завтрашних ведьм, – сказал Абрахам.

Мистер Перис достал листок бумаги, на котором красивым каллиграфическим почерком красовались женские имена.

Нам, наверное, может показаться странным, что ведьм величили чаще, чем колдунов. Люди считали, что женщины уязвимее перед соблазном колдовства. Некоторое в страхе, с надеждой, что после признания их отпустят, говорили, что сам дьявол давал им колдовские способности, что это он сбил их с верного пути, но такие слова не улучшали положения обвинённых. Они создавали ещё большее напряжение среди местных жителей, которым приходилось жить рядом с дьяволом, рядом с инкубами и суккубами, находившихся в поисках новых жертв.

«Появление дьявола» было прекрасной возможностью обвинить других людей в том, что они не совершали. Достаточно было вспомнить какой-нибудь случай, пусть даже с дав-

ностью в несколько лет, и ты уже мог утверждать, что твой сосед – колдун. Поводы для обвинения обычно были одинаковы: редкое посещение церкви, любовь выделится из большинства – это всё было немыслимо для поведения пуританина.

Самюэль взгляделся в листок бумаги, ещё раз прочитав имена подсудимых. Были в этом списке разные имена, женские и мужские, знакомые и незнакомые, это был свежий смертный приговор, которому ещё предстоит сломать судьбы многим людям.

Мы не будем вникать во весь диалог, который последовал дальше. Абрахам и Самюэль обсуждали каждое имя, попавшее в список, они делали то, на что им никто не давал право, они уже сейчас знали, кто будет повешен, а кому до конца своих дней придётся томиться в тюрьме.

– Анна Уолтон, – прочитал Самюэль очередное имя.

– Что про неё известно? – спросил Абрахам, прикоснувшись к бороде.

– Церковь посещает редко, знакомых и родственников мало, и как я знаю, всё своё время проводит в одиночестве, – сказал Самюэль с задумчивым видом.

– Очевидно, её будет очень легко обвинить в колдовстве. Кто там дальше?

– Виктория Джонс, – произнёс следующее имя Самюэль, он изрядно устал за сегодня, и ему хотелось как можно быстрее закончить данное собрание.

– Я слышал, – вдруг вмешался Джон, – что эта женщина как-то раз устроила в своём доме праздник, и она и все её гости были очень пьяны!

– За это уже можно зацепиться, – произнёс Самюэль, обрадовавшись, что причина обвинения нашлась так быстро.

Но вот, Самюэль дошёл до последнего имени в смертном приговоре, это имя ему было хорошо знакомо, казалось, оно как-то выделялось из всего списка, хоть и было написано теми же чернилами и тем же пером, это было имя служанки Элизы.

– А вот и дошли до нашей красавицы, – сказал мистер Перис.

– А ты, Самюэль, знаешь её? – спросил Абрахам, заглядывая в список.

– Да, это моя служанка, – ответил он, – ты же знаешь мою жену и то, как она стремится к красоте?! Как только, Элиза к нам пришла, Джозефина тут же стала ей завидовать, и я пообещал жене, что Элиза будет сожжена перед всем городом.

– Ох уж эти женщины, иногда убить друг друга рады. Что ж я уделю этой красавице достойного для её внешности внимание, – сказал Абрахам, в очередной раз, погладив свою бороду.

– Хм... Мне кажется, что мы засиделись у тебя, Абрахам, – сказал, встав со стула Самюэль.

– Да, уже очень поздно, – ответил Абрахам, взглядываясь в темноту за окном.

На небе, казалось со всего света, наплывали серые унылые тучи, через которое почти не было видно яркой луны. Этот пейзаж сулил такое же, под стать ему настроение, достаточно было одного взгляда на небо, чтобы заразиться от него неким непонятным унынием.

Дальше гости попрощались с Абрахамом, покинули его дом и направились к своим жилищам. Ночной ветер обдувал Самюэля. Он почувствовал, что с неба моросит мелкий дождик, и ускорил шаг. Благо мистер Перис успел дойти до дома, когда начался ливень.

– Ну что, дорогой, тебе удалось внести Элизу в список подсудимых? – спросила Джозефина, дождавшись своего мужа.

– Да, – ответил Самюэль сонным голосом, – завтра её обвинят.

– Поскорей бы, я ей даже сказала, что она может не приходиться завтра на работу. Весь день быть милой к такой дурочке, как она – ужасная мука! Завтра её уже арестуют, какая радость. Я даже нашла человека, который согласился дать против Элизы показания на суде!

– Это очень хорошо, Джозефина, – сказал Самюэль, приготовившись ко сну.

Джозефина легла на кровать, повторяя ещё раз, – «Поскорей бы».

– Поскорей бы, поскорей, – говорила она, как одержимая. Джозефина повторяла одну и ту же фразу, как будто, это

было заклинание, и вот, она сказала последние на сегодня слова:

– Скоро Элизу арестуют, скоро...

Глава 5

Абрахам вышел из своего дома, когда солнце поднялось уже достаточно высоко. Он несколько минут бродил от дома к дому, как будто что-то обдумывал, но это было лишь для привлечения внимания.

Люди стали замечать ходившего вокруг да около пророка. Всё больше и больше зевак бросали свои дела и устремляли свои взоры на него. Один мужчина, ехавший на телеге, остановил лошадь, слез и присоединился к остальным. Когда людей стало много, Абрахам неожиданно вознёс руки к небу и заговорил:

– Да укажет мне Господь, где скрываются дочери дьявола! Да поможет Бог мне отыскать всех, кто портит наши урожаи и навлекает другие беды, кто оскорбляет христианство и человечество!

Слова эти произвели на людей немислимое впечатление. Волна вздоха удивления пронеслась через толпу. Толпа дивилась Абрахаму, его невероятным речам, но он мог показать пальцем на кого угодно, и этого люди боялись. Они ощущали смешанные чувства восторга и страха, но уверяли себя, в том, что пророк не обвинит их.

– Бог ведёт меня, Бог ведёт меня, – молвил пророк.

Дальше Абрахам выпрямил руку, задрал голову и пошёл прямо через толпу. Шёл он так, будто был или пьян или

у него кружилась голова. Зеваки тут же расступились, когда увидели, что стоят на пути пророка, вернее сказать, что они не расступились, а отпрянули от него так, будто Абрахам был призраком. Когда же его и толпу отделяли около пяти шагов, люди медленно последовали за пророком.

Тут же, откуда ни возьмись, появился шериф и несколько церковников, ведь обвинённых кому-то же нужно арестовывать.

В то время, Абрахам направился к дому, стоявшему на холме, почти на окраине Салема. В нём, как говорили люди в толпе, живёт девица по имени Анна Уолтон, одинокая и редко посещающая церковь. Пока Анну всячески критиковали, Абрахам постучал своей дрожащей рукой в дверь её дома.

Дверь открыла невысокая девушка, не успела она опомниться и понять, что происходит, как тут же ей был задан вопрос:

– Мисс Уолтон?

– Да, – ответила девушка, но если честно, лучше бы она сказала «нет», так как фраза, которая последовала после, ввела её в шок.

– Ты арестована по подозрению в колдовстве!

– Нет, такого не может быть! Я никогда в жизни не колдовала! – пробормотала бедная Анна, но её никто не слушал, и она была силой выведена из своего дома.

– О, какая она наглая, ещё пытается показать, что неви-

новна! Она, наверное, даже не понимает своих ужасных грехов! Но ничего, так ей и надо, будет знать, как посевы портить, – проворчал какой-то мужчина в толпе.

Спектакль продолжался дальше. Абрахам обладал превосходным актёрским талантом. Он посмотрел в очередной раз на толпу, провёл пальцем, указав как бы сразу на всех. Люди же отскочили от руки пророка, как от огня.

– Дети дьявола среди нас! Они здесь, я чувствую! – сказал Абрахам, – вот одна из них.

Пророк указал на одну из женщин, стоявших в толпе, и та упала в обморок. Постоянно, когда он указывал на кого-то пальцем, создавалось впечатление, что делалось это наугад. К потерявшей сознание женщине тут же подошли церковники и шериф.

– А я ведь знала, что она – ведьма! Очень уж странное у неё поведение! – сказала некая старуха хриплым голосом. Наверное, она хотела привлечь к себе внимание и как-то выделиться из толпы, но другие люди не заметили её.

Толпа двинулась за Абрахамом, он шёл уже ближе к центру Салема, стуча в двери разных домов и обвиняя больше людей. В каждый дом, который он стучался, на него смотрели большими от удивления глазами. Все несчастные жертвы пророка пытались оправдываться, но это не помогало. У толпы оправдания и слёзы вызывали не сочувствие, а отвращение, и никому не приходило в голову, что люди, которых обвиняет пророк, невиновны. Так Абрахам шёл от дома к до-

му, принося тем, кто жил там всё больше страданий и бед...

Тем временем, миссис Ева и Элиза были дома. Для Элизы этот день выдался очень странным, ибо Джозефина ещё ни разу просто так не давала ей выходных, поэтому Элиза думала, чем заняться. Она уже подмела в доме пол, приготовила обед, переделала все остальные домашние дела. Джим в это время был ещё на работе, и должен был вернуться нескоро. Евангелина, погружённая как никогда в задумчивость, вдруг сказала:

– Да, странно это, дочка, что миссис Перис дала тебе отдохнуть.

Старушка прокашлялась и задумалась снова. Сегодня Евангелина уже несколько раз говорила о неожиданном выходе Элизы. Когда в доме вновь воцарилось молчание, она в очередной раз хотела упомянуть об этом, но неожиданно в дверь раздался стук, столь сильный, какого ещё ни разу здесь не слышали.

– Кто же это может быть? – спросила Евангелина.

– Не знаю, – взволнованно ответила Элиза.

Тревогу, возникшую у неё так внезапно, нечем было объяснить. Внутренний голос говорил Элизе: «Не открывай», но, подчиняясь здравому смыслу, она не послушала его. Элиза неуверенными шагами подходила к двери, а когда раздался повторный стук, более громкий, она ускорила шаг, взялась за дверную ручку и открыла дверь.

Люди знали Элизу, и любили её за то, что доброта Элизы была равна её красоте, но в том, что пророк прав у них не возникло никакого сомнения. В толпе пробежал ропот:

– Такая красавица – ведьма!

Абрахам запнулся на полуслове, увидев такое ангельское существо, и вымолвил:

– Ты арестована!

Он забыл даже назвать имя арестованной, никаких сомнений, что именно эта девушка не угодила жене мистера Периса, не было.

– Да, какая же она красивая! – сказал какой-то фермер, как тут же его жена «нечаянно» наступила ему на ногу, чтобы муж был аккуратней с выражениями.

– Красивая – значит точно ведьма, – вымолвила одна из женщин, причём не отличающаяся красотой, и эта фраза была одобрена женщинами, стоящими рядом с ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.